решившегося от мирской суеты, и опираются на нормы христианской морали. Для большей убедительности поучения и толкования облечены в форму откровения, видения, явления. Образы пустынников, ангелов, духов композиционно помогали автору по-своему обобщить явления. Тут была и принципиальная позиция: слабый человеческий разум не способен достигнуть вершин знания — «истинное» знание связано с откровением. Истоки названных повестей относятся к эпохе более ранней, чем XVIII век; их идеология противоположна духу века Просвещения.

По всей вероятности, вначале «восточную» повесть чаще всего воспринимали у нас как нравственно-философскую притчу, отвлеченную и беспристрастную. Это подтверждает характер первых печатных «восточных» повестей.

Первая известная нам печатная «восточная» повесть — «Желатели»[13] представляет собой притчу о калифе и семи «желателях». Композиционно она делится на собственно притчу, толкование ее и нравоучение. Повествование ведется в манере, свойственной притче, — обобщенно и «беспристрастно». Однако за этим кроется «пристрастная» политическая позиция автора. Повесть имеет явно охранительный смысл. Вот ее мораль: «Бедный желает себе богатства, но только к совершенству света потребно, чтоб не все были богаты, да и убогий сам может своим трудом приобрести себе пропитание. Некоторые неразумно желают, чтоб не было ни правления, ни законов, но тогда б были они причиною несчастия всего света и крайнего своего бедствия. Все желают себе временного и вечного блаженства. Сие желание у всех тех глупо...».[14]

Таким образом, «восточная» повесть в России, появившись в журнале, сразу же заявила о себе как жанр тенденциозный.

В 60-е годы XVIII века в России оживился интерес к реальному Востоку. Академические издания («Ежемесячные сочинения», «Сочинения и переводы») поддерживали этот интерес сообщениями научного и документального характера о различных восточных странах, пограничных с Россией. В этих изданиях рядом с разнообразными «восточными» повестями находим научные статьи вроде «О народе и имени Татарском, также о древних Могольцах и их языке»,[15] «О первых российских путешествиях в Китай»,[16] «Рассуждение о разных именах Китайского государства и о ханских титулах»,[17] «Изъяснение сумнительств, находящихся при поставлении границ между Российским и Ки-

[13] «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. II, стр. 516—524.
[14] Там же, стр. 524.
[15] Там же, ч I, стр. 455—484.
[16] Там же, ч. II, стр. 15—57.
[17] Там же, 1756, ч. IV, стр. 311—327.